

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск пятый

*Под редакцией
Е. С. Болтановой, Д. О. Тузова*

CENTESIMVS ANNVS

*Памяти
Б.Л. Хаскельберга
(1918–2011),
к столетию со дня рождения*

Москва
Инфотропик Медиа 2018

УДК 347
ББК 67.404
Б79

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

доктора юридических наук Е. С. Болтановой;
доктора юридических наук д. О. Тузова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ

dr hab., проф. В. Володкевич (Варшава); д-р, проф. П. Гарбарино (Верчелли);
dr hab., проф. Т. Гьяро (Варшава); академик Национальной Академии Линчеи
(Италия), проф. Р. Сакко (Турин); заслуженный деятель науки РФ, академик РАН,
д.ю.н., проф. Ю. К. Толстой (Санкт-Петербург)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.ю.н., доц. Е. С. Болтанова (Томск); д.ю.н., проф. А. Г. Карапетов (Москва);
д-р, проф. П. Росси (Турин); д.ю.н., проф. А. Д. Рудоквас (Санкт-Петербург);
д.ю.н. Д. О. Тузов (председатель) (Санкт-Петербург)

Б 95 Centesimus annus: памяти Б. Л. Хаскельберга (1918–2011),
к столетию со дня рождения. **Цивилистические исследо-
вания**. Выпуск пятый / Под ред. Е. С. Болтановой, Д. О. Ту-
зова. — М.: Инфотропик Медиа, 2018. — 212 с. — ISBN 978-
5-9998-0309-2.

Агентство СІР РГБ

Настоящий выпуск «Цивилистических исследований» посвящен памяти выдающегося советского и российского цивилиста профессора Б. Л. Хаскельберга (1918–2011), которому в этом году исполнилось бы 100 лет. В выпуск вошли статьи, в том числе его коллег и учеников, посвященные современным проблемам российского и зарубежного гражданского права, а также истории частного права и цивилистики.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов, студентов, аспирантов, практикующих юристов и всех тех, чей круг интересов связан с гражданским правом и его историей.

Все права защищены.

© Коллектив авторов, 2018
© ООО «Инфотропик Медиа, 2018
© ООО «ИМ Диджитал
Пабблишинг», оформл., 2018

ISBN 978-5-9998-0309-2

**РИМСКОЕ ПРАВО
МЕЖДУ АКТУАЛЬНОСТЬЮ И УПАДКОМ:
«ЦЕЛЬ В ПРАВЕ» ИЕРИНГА В ПРОЧТЕНИИ
РОМАНИСТА****

Романистические отрасли знаний — с точки зрения как научной, так и дидактической — представляют сегодня собой подобие сложного, расчлененного архипелага с одновременным присутствием весьма разных подходов. С известной долей упрощения можно, однако, наметить в общих чертах различие между теми, кто стремится проводить сравнительные параллели с позитивным правом и представителями его науки, и теми, кто — иногда даже полностью отвергая указанную перспективу — утверждает эпистемологический канон, тесно (если не исключительно) связанный с историческим изучением римского юридического опыта. Известно, что историцизм в области романистических (и вообще историко-юридических) исследований есть плод окончательного отказа от римского права как права действующего, а потому восходит своими корнями к периоду, охватывающему вторую половину XIX — начало XX в. и в более общем плане характеризующемуся утверждением научного позитивизма. Связь между позитивизмом и историцизмом проявляется особенно ясно в утверждениях, часто встречающихся также и у современных ученых, согласно которым историческое в собственном смысле изучение римского права — это «сегодня» единственный «подлинно» научный подход к римскому юридическому опыту. Я не имею в виду проследить

* *Гарбарини Паоло (Garbarino, Paolo)* — ординарный профессор римского права Университета Восточного Пьемонта (Верчелли, Италия).

** Перевод с итальянского (а также цитируемых в статье фрагментов римских источников — с латыни) выполнен доктором юрид. наук, профессором СПбГУ Д. О. Тузовым по представленной автором рукописи.

здесь те направления мысли, которые начиная с Бонфанте¹ способствовали установлению этого канона романистического исследования. Достаточно напомнить, что такой подход распространился вообще на историю средневекового и современного права и сегодня проповедуется авторитетными учеными — представителями указанных областей знаний (иногда с антироманистическими устремлениями, с целью отстоять претензию на бóльшую «актуальность» и «полезность» собственных исследований).

Если историческое изучение римского права позволило совершить выдающиеся шаги вперед в наших познаниях и имело своей заслугой «освобождение» романистов от, возможно, слишком узкого и слишком конъюнктурного поля зрения, необходимо также признать, что после исчерпания своей движущей силы оно определяющим образом способствовало изоляции римского права во все более закрытой в самой себе сфере без каких-либо (или с весьма скудными) точек соприкосновения с представителями позитивного права. Результатом, который у всех перед глазами, явились прогрессирующая изоляция римского права внутри юридических факультетов и распространенное (для меня неоправданное) непонимание значимости и роли, которые оно может иметь в формировании юриста.

Одно из вытекающих из всего этого последствий состоит в том объективном, на мой взгляд, обстоятельстве, что при рассмотрении крупных юридических тем — как частного, так и публичного права — «критическое сознание» (которое преследует попытку сгладить чрезмерную степень абстрактности, с какой эти темы порой осмысливаются, разрабатываются и дискутируются многими представителями позитивного права, и вновь запустить механизм возможного взаимовлияния и взаимозависимости между правовой мыслью и конкретной реальностью) не покоится даже в малой части на римском праве, несмотря на то что в XIX и начале XX в. это последнее играло такую роль в разнообразных аспектах.

¹ Бонфанте Пьетро (*Bonfante, Pietro*, 1864–1932) — один из наиболее выдающихся итальянских романистов, оказавший определяющее влияние на современную науку римского права как в Италии, так и за ее пределами. — *Прим. пер.*

Можно было бы полагать — и разные романисты в сущности разделяют эту идею, — что историческое изучение римского права диктует и полностью оправдывает эту изоляцию. Сама по себе ценность его преподавания состояла бы, таким образом, не в его возможной «(ре-)актуализации», а, напротив, в его полной и неизбежной «неактуальности». Не следует исключать, что за этим убеждением стоит сильное чувство гуманистической культурной «традиции», особенно классической, представляющее собой не слепой консерватизм, а осознание заключенного в прошлом потенциала для лучшего понимания настоящего (именно таким путем, прибегая к критерию традиционализма, Джузеппе Гроссо² интерпретировал фигуру Лабеоны и противопоставлял ее «консерватору» Капитону³). В этой перспективе не происходит, однако, полного отказа от актуальности: она вновь обретается — подобно тому, как это имеет место в иных «гуманистических» областях знаний, связанных с исследованием античного мира, — если мыслить историю римского права в качестве одного из антропологических элементов, составляющих сегодняшнего человека. Однако в этом — хотя и полностью правомерном и заслуживающем поддержки — видении современной *humanitas* и ее формирования юридический в собственном смысле фактор уже не на первом плане и уже не играет главной роли. Это фактор, который — в так сказать холистическом измерении — участвует вместе с другими в описании, как уже упомянуто, сегодняшнего (западного) человека в стремлении понять его лучше. И ясно, что этот подход ставит перед собой задачу лишь «понять», но не «действовать»: горизонт «знания» для «действия» ему чужд (в отличие, заметим, от случая с «традиционалистом» Лабеоном, который, как подчеркивает Помпоний, *plurima innovare instituit*⁴ [предпринял обновление многого. — *Прим. пер.*]). Возможно, отсюда и происходит,

² Гроссо Джузеппе (*Grosso, Giuseppe*, 1906–1973) — выдающийся итальянский романист и политик (занимал должности мэра Турина и председателя провинции Турина), профессор и декан юридического факультета Туринского университета, оказавший определяющее влияние на формирование современной туринской научной школы римского права и внесший значительный вклад как в итальянскую, так и в мировую романистическую науку. — *Прим. пер.*

³ *Grosso G. Lezioni di storia del diritto romano*. 5° ed. Torino: Giappichelli, 1965. P. 393 s.

⁴ *Pomp. l. s. ench. D. 1.2.2.47.*

в конечном счете, непонимание со стороны представителей позитивного права, для которых цель — не только «знать», но и, конкретно, «действовать», т. е. проявлять активность для изменения права (дабы сделать его лучше).

Думаю, что эти краткие вступительные замечания по поводу «кризиса» изучения римского права⁵ — «кризиса», который я как романист рассматриваю в качестве упадка, поскольку он фактически устранил римское право, и далеко не с сегодняшнего дня, из диалога с позитивным правом (но не все романисты единодушны в том, чтобы говорить об упадке, ибо думают, как было сказано, что выбор в пользу историзма, напротив, сделал это изучение «подлинно» научным) — необходимы, чтобы лучше иллюстрировать те размышления, которые вызвало во мне прочтение «Цели в праве» Иеринга⁶.

Было бы даже банально уточнять, что Иеринг пишет книгу совершенно особого характера, не подводимую, на первый взгляд, под литературные жанры, практикуемые юристами — его современниками, и в частности романистами. Столь же очевидно и то, что она богата ссылками на римское право, учитывая то обстоятельство, что во время ее написания⁷ *BGB* еще не заменил собой *usus modernus pandectarum*⁸. И тем не менее именно эти ссылки на римское право или, точнее, то, как Иеринг их делает, вплетая их в свое сложное изложение, благодаря их специфике и роли в рассуждениях автора явились тем, что привлекло мое внимание.

Итак, ссылки, о которых идет речь, это постоянные сравнения или сопоставления между римским опытом, с одной стороны, и правовой действительностью и/или интерпретативно-теоретическим

⁵ Предшествующие соображения я развил немного более подробно в моей статье: *Garbarino P. Diritto romano, comparazione giuridica, interdisciplinarietà // Scritti di comparazione e storia giuridica. Vol. II / a cura di P. Cerami e M. Serio. Torino: Giappichelli, 2013. P. 63 ss.*

⁶ Речь идет о недавно опубликованном (2014) втором издании итальянского перевода этого произведения (первое издание вышло в 1972 г.), библиографические данные которого приводятся ниже самим автором. — *Прим. пер.*

⁷ Первое издание книги увидело свет в 1877 г. — *Прим. пер.*

⁸ Имеется в виду, что до вступления в силу Германского гражданского уложения (*BGB*) в Германии непосредственно действовало римское право в его интерпретации, приспособившей его для нужд того времени, т. е. так называемый *usus modernus pandectarum* («современное использование Пандект»). — *Прим. пер.*

построением — с другой. Автор обращается к римскому праву с чувствительностью историка и осознанием связанных с этим проблем исторической реконструкции, но всегда прямо и непосредственно сопоставляет его с настоящим. Полностью отсутствует — за исключением лишь очень редких случаев — обращение к опыту общего права Средневековой Европы (*ius commune*) и вообще докодификационного европейского права. Таким образом, как мне представляется, римское право понимается как «модель» или совокупность «моделей» — образцовых, пригодных или единственно пригодных для объяснения структуры и функции «институтов» (скажем так в первом приближении), к которым то и дело обращается автор в сложной систематике своей книги для обоснования ее глубинного тезиса. С другой стороны, Иеринг говорит это уже с самого *incipit* (начала. — *Прим. пер.*). Предисловие к первому изданию сразу же уточняет: «Сочинение, первая половина которого ныне появляется в свет, вызвано другим моим сочинением о духе римского права» (с. 17)⁹ [с. I]¹⁰, еще одним великим шедевром Иеринга.

Примеры, когда римское право принимается в качестве модели, поистине бесчисленны. Их, на мой взгляд, можно подразделить на две большие группы. С одной стороны, это обращения или примеры, относящиеся к отдельным, пусть и общим, институтам, таким как договор, деликт, собственность и т. д., часто сопровождаемые удачными интуитивными находками по поводу их сущностных

⁹ Здесь и далее цитаты даются, естественно, по итальянскому переводу Марио Дж. Лозано, о котором здесь идет речь: *Jhering R. von. Lo scopo nel diritto. Vol. I / trad. e cura di M. G. Losano. Torino: Nino Aragone editore, 2014. 407 p.*

¹⁰ Здесь и далее, где это возможно, использованные автором цитаты даются непосредственно по русскому дореволюционному переводу первого немецкого издания рассматриваемой книги Иеринга (благодаря которому она и известна отечественному читателю), выполненному под ред. В. Р. Лицкого: *Иеринг Р. фон. Цель в праве. Т. 1. СПб.: Изд. Н. В. Муравьева, 1881. 412 с.* При этом после ссылок на страницы итальянского издания, приводимых автором настоящей статьи в круглых скобках, нами в квадратных скобках даются ссылки на соответствующие страницы указанного русского перевода. Поскольку, однако, автор обсуждает и цитирует перевод *второго* немецкого издания (1884), использованные им цитаты не всегда находят соответствия в русском переводе, выполненном, как уже сказано, с *первого* издания (1877): в таких случаях дается перевод этих цитат с итальянского, как они приведены у автора статьи. — *Прим. пер.*

и основополагающих черт. С другой стороны, это отсылки — иногда явные, иногда подразумеваемые — к римским концепциям относительно самого понятия права, справедливости, закона и т. д. Следует, однако, добавить, что нередко в своем изложении Иеринг неявно (и, возможно, в некоторой мере неосознанно) подразумевает римское юридическое видение проблем или, по крайней мере, некоторых проблем, даже абстрагируясь от строго юридической материи. То есть при нахождении отправной точки в римском правовом источнике, иногда даже не цитированном, римская модель деконтекстуализируется и ставится в центр предлагаемой автором оригинальной реконструкции.

Приведу сразу же пример, чтобы разъяснить эту особенность. В главе III «Эгоизм на службе чужим целям» Иеринг развивает тему «совпадения целей». Марио Лозано весьма кстати напоминает (в сноске), причем в связи именно с тем моментом, который мы сейчас будем рассматривать, что «в этой части книги Иеринг рассматривает экономические понятия с точки зрения утилитаристской философии» и для объяснения терминологии, которую использовал здесь автор, привлекает — хотя и с сомнениями — книгу Макса Штирнера (*Max Stirner*) «Der Einzige und sein Eigentum», имевшуюся в личной библиотеке Иеринга. Вот эта цитата (с. 53) [с. 30]: «Природа сама указала человеку путь, которым он может склонять других людей к содействию его целям; таким путем служит для него соединение собственной цели с чужим интересом. На этой формуле основана вся наша человеческая жизнь: государство, общество, торговля и промышленный оборот. Кооперация многих людей ради одной и той же цели возможна лишь потому, что интересы всех участников кооперации, переплетаясь, сходятся в одном конечном пункте». Здесь, на мой взгляд, следует подчеркнуть метафору «пути» («путь, которым он может склонять других людей к содействию его целям»), которая, как мне кажется, вновь повторяется, когда речь идет об «интересах всех», которые «переплетаясь, сходятся в одном конечном пункте». Хотя здесь и отсутствует прямая ссылка на источник, представляется, что эта концепция происходит из знаменитого фрагмента Ульпиана (Ulp. 4 ad ed. D. 2.14.1.3), открывающего титул Дигест «De pactis», в котором юрист дает определение *conventio* (соглашения):

Conventionis verbum generale est ad omnia pertinens, de quibus negotii contrahendi transigendique causa consentiunt qui inter se agunt: nam sicuti convenire dicuntur qui ex diversis locis in unum locum colliguntur et veniunt, ita et qui ex diversis animi motibus in unum consentiunt, id est in unam sententiam decurrunt.

Слово «соглашение» (*conventio*) имеет общее значение, относящееся ко всему тому, о чем для заключения деловых отношений или урегулирования спора из них соглашаются те, кто совершает между собой юридические акты: ведь подобно тому, как говорят «сходиться» (*convenire*) о тех, кто из разных мест в одно место собирается и прибывает, так же [говорят] и о тех, кто, исходя из различных побуждений, в одном соглашаются, т. е. к одному мнению приходят.

Это происхождение мне кажется очевидным. И мне также представляется, что речь идет о прямом происхождении, не опосредованном традицией средневековой интерпретации: Иеринг использует римско-правовую концепцию и образ, объясняющий ее в тексте античного юриста, чтобы сформулировать общее и притом неюридическое понятие (не знаю, ошибусь ли, если квалифицирую его как «социологическое»). Возможно, интересно отметить, что далее в книге, в главе V «Цели эгоистического самоподдержания», рассматриваемый ульпиановский фрагмент будет имплицитно задействован вновь, но уже в более узком юридическом контексте: говоря об «обмене» с позиций юриста, каковым он был, Иеринг напоминает (с. 77) [с. 56], что «формой менового оборота является договор... Если цель определяет волю, то соединение, совпадение воли двух или нескольких лиц (*convenire, conventio*) в одном и том же пункте¹¹ доказывает, что в этом пункте встречаются их цели или интересы, что условленное в будущем действие одной или обеих сторон способно достигнуть этой удовлетворяющей

¹¹ В итальянском переводе книги к приведенным латинским терминам в тексте самой цитаты добавлено: «„совпадение воли“, откуда „конвенция“ („схождение“); по-немецки „übereinkommen“, откуда „Übereinkunft“» (с. 77). — *Прим. пер.*

и ту и другую сторону цели». И в этом случае на ульпиановский фрагмент также нет ссылки. Повторяю: интерес для меня здесь представляет прямое — и к тому же не выраженное явно — использование романистического материала или, если хотим, римских концепций в целях предпринимаемого Иерингом сложного изложения (или построения). Примеры такого рода можно было бы умножить. Иеринг прекрасно это осознает: есть место, в котором, говоря о римской идее договора, он освещает отношение между историей и идеей, отношение, которое представляет собой, возможно, наилучший ключ для понимания метода, используемого им в своей работе. Цитирую слова автора (с. 200) [с. 199] об эволюции договора в римском праве: «Рука об руку с целью, договор поднимается в нем со ступени на ступень, с низшей на самую высшую, не пропуская ни одной из них, так что, рассматривая и с т о р и ч е с к о е развитие понятия договора, кажется, что имеешь перед собою его л о г и ч е с к о е развитие, — до того совпадает одно с другим». И далее (с. 201) [с. 199]: в римском праве «отвлеченное понятие и история движутся совершенно параллельно друг другу».

Теперь хотелось бы высказать несколько кратких соображений по поводу использования Иерингом некоторых общих понятий, несущих в себе также сильную этическую составляющую. Имеются в виду понятия «равенства» и «справедливости». Также и в этом случае корни рассуждений Иеринга следует искать в некоторых утверждениях римских юристов. В связи с этим надо сказать, что речь идет о хорошо известных понятиях, которые, однако, рассматривались романистами прошлого столетия как риторические, пустые формулы, лишённые юридического значения, действительно достойного внимания. В первую очередь следует обратиться к *praecepta iuris* (предписаниям права. — *Прим. пер.*), все так же Ульпиана: «*honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere*». Полезно прочитать полностью, в каком контексте римский юрист приводит эти три *praecepta* (Ulp. 1 reg. D. 1.1.10):

Iustitia est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribuendi.
1. *Iuris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere.* 2. *Iuris prudentia*

Справедливость — это постоянная и вечная воля воздавать каждому его право. 1. Предписания права следующие: честно жить, не вредить другим, воздавать

est divinarum atque humanarum rerum notitia, iusti atque iniusti scientia.

каждому свое. 2. Юриспруденция — это знание божественных и человеческих вещей, наука о справедливом и несправедливом.

Тут достаточно сравнение — среди многих возможных — с коротким пассажем Иеринга на тему равенства (с. 264)¹²: «Претендовать на математическое равенство — это как претендовать, чтобы все конечности человеческого тела имели одинаковое строение: чтобы можно было говорить о теле, конечности должны быть разными. То же самое происходит применительно к социальному телу. Равенство, которое следует здесь осуществить, может быть лишь относительным, ибо оно происходит от отношения между способностью и требуемой отдачей, между заданием и средствами его выполнения, между заслугой и вознаграждением, между виной и наказанием. Его девиз — *suum cuique*, т. е. *suum*, соразмерное со спецификой исходных условий. На этом основывается понятие истинной справедливости». Помимо ульпиановских *praecepta*, автор, кажется, учитывает здесь и само определение права — *ius est ars boni et aequi*, данное Цельсом и воспринятое Ульпианом в одном фрагменте, который юстиниановская комиссия избрала для того, чтобы открыть им Дигесты (Ulp. 1 inst. D. 1.1.1 pr.):

Iuri operam daturum prius nosse oportet, unde nomen iuris descendat. Est autem a iustitia appellatum: nam, ut eleganter Celsus definit, ius est ars boni et aequi.

Тому, кто собирается посвятить себя праву, прежде всего необходимо знать, откуда происходит слово «право» (*ius*). А происходит оно от «справедливости» (*iustitia*)¹³: ведь, как элегантно определяет Цельс, право есть искусство добра и справедливости.

¹² Приводится по итальянскому изданию: в цитированном выше русском переводе первого издания книги данный фрагмент отсутствует. — *Прим. пер.*

¹³ Ср. этимологическое отношение русских слов «право» и «правда» (в смысле «справедливости»). — *Прим. пер.*

И вновь происхождение или, точнее, основание мысли Иеринга — в римской концепции, принимаемой им и используемой в построении своих рассуждений (и в этом случае, быть может, не было даже необходимости в цитировании источника: настолько он известен). Из этого вытекает, среди прочего, тезис о том, что справедливость выше закона (с. 299) [с. 313]: и здесь тоже можно уловить эхо ульпиановского утверждения, помещенного, как мы видели из только что цитированного фрагмента, во вступление к Дигестам Юстиниана и выводящего *ius* из *iustitia* на основе явно ошибочной этимологии (если, конечно, Ульпиан действительно имел в виду дать именно этимологию, а не интерпретацию термина *ius*), которая имеет, однако, ту заслугу, что устанавливает отношение происхождения *ius* из *iustitia*, а не наоборот; и это — в точности подход Иеринга (хотя он прямо и не ссылается на данное высказывание античного юриста). Этот момент является центральным в самом образе мыслей Иеринга, учитывая, что из данной позиции вытекает как следствие, особо подчеркиваемое автором, необходимость предусмотреть «Высший Суд Справедливости»¹⁴: «...Право сознает, что одним законом оно обойтись не может, что оно нуждается в помощи высшей, стоящей над законом справедливости...» (с. 299) [с. 313], в «Высшем суде, требуемом мной для исключительных случаев, о котором законодательство никогда не думало...» (с. 299). Не знаю, попаду ли я в цель, но это предложение Иеринга наводит на мысль о Нюрнбергском трибунале. Не знаю также, вспомнил ли кто-нибудь эти строки Иеринга в ходе широкой правовой и этической дискуссии, сопровождавшей учреждение и работу этого Трибунала. Мне кажется заманчивым соотнести их с ней, тем более что второе издание книги вышло в 1884 г.: уже больше времени отделяет нас сегодня от того процесса, чем этот последний — от публикации «Цели в праве».

Попытаюсь сделать некоторые, весьма предварительные, выводы с учетом того, что было сказано в самом начале. Как романист отмечу благодатность почвы, представленной римским материалом и концепциями (тоже римскими), которые используются Иерингом и которые всегда выполняют роль фона, вдохновения, импульса для его суждений. Материал и концепции эти, очевидно (хотя в настоящее время для

¹⁴ В русском издании переведено как «высшее судилище» [с. 313]. — Прим. пер.

романистов это вовсе не очевидно), деконтекстуализированы с исторической точки зрения. Я задаюсь вопросом, как бы воспринял сегодня операцию такого рода романист, сделавший выбор в пользу исключительно исторического подхода к изучению римского права (а таких много). Я представляю его себе с красно-синим карандашом, отмечающего многочисленные места в книге Иеринга как чуждые текущему канону, а следовательно, как ошибочные, бесполезные, исторически некорректные и т. д. С другой стороны, Иеринг свободно ориентировался как историк в римских источниках, обладал интеллектуальным даром новаторски их интерпретировать. Однако пример Иеринга фактически сделан — и далеко не сегодня — (почти?) совершенно чуждым для романистов. В современной романистике уже более (или почти) не существует культурного *humus* (плодородного слоя почвы. — Прим. пер.), который мог бы каким-то образом культивировать новые и не являющиеся узко историческими взгляды. Некоторые испытывают своего рода неопандектистский путь, но этот путь также отличен от того, которым шел Иеринг в его книге «Цель в праве».

И все же этот материал и эти концепции закладывают фундамент для оригинального видения или, если хотим, интерпретации общественной жизни, (вновь) подтверждая правовой характер, внутренне присущий обществу в его совокупности. Это урок, который должен заставить задуматься юриста в то время, когда право кажется переживающим свой закат, когда его как социальный регулятор пытаются заменить иными знаниями и иными техниками. В том, что касается, наконец, узкого поля зрения романиста, то вопрос, который я оставляю открытым (однако легко можно понять, к какому решению я склоняюсь), таков: может ли на объективный культурный и академический упадок римского права актуализирующим и оживляющим ответом быть попытка вновь пройти путь, указанный Иерингом, пока еще не стало слишком поздно? Пока еще исключительно историческое измерение окончательно не смешало фигуру историка права или, точнее, романиста с фигурой просто историка, как происходит иногда и даже с определенной частотой уже сегодня? Проблема состоит в следующем: в состоянии ли мы переосмыслить римское право в новом измерении принципов и ценностей, которые следует предложить сегодняшнему миру?